

Helena Pocięchina, Aida Musagułowa

Экономическая терминология в современном казахском языке: феномены постсоветского языкового пространства

Acta Neophilologica 15/2, 89-99

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Helena Pocietchina

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

Aida Musagulowa

Kazachski Narodowy Uniwersytet Pedagogiczny im. Abaja (Alma Ata)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ: ФЕНОМЕНЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Key words: language reforms in the post-Soviet states, language policy, economic terminology, borrowings, Russian-Kazakh bilingualism

Социолингвистические ситуации, сложившиеся на постсоветском пространстве в различных странах, прежде входивших в число пятнадцати союзных республик, во многом типичны. Основной проблемой литературного языка в новых независимых государствах является проблема создания новой терминологии в различных сферах общественной жизни. Особые задачи стоят перед экономикой, поскольку во всех странах бывшего СССР произошли и происходят глубокие изменения в сфере организации народного хозяйства.

На землях Средней и Центральной Азии, которые, начиная с XVII века, постепенно присоединялись к Российской Империи, а после Великой Октябрьской революции 1917 года вошли в состав РСФСР и – несколькими годами позже – Советского Союза, примерно с XV века был распространен общий литературный язык всех тюркских племен и народностей, тюрки [Баскаков 1973: 136]. Образовав в течение нескольких веков множество локальных вариантов, этот язык, в основе своей восходящий к уйгуро-карлукскому языку, содержал большое количество лексических и грамматических элементов арабского и персидского языков [Баскаков 1973: 136]. Общность ареала распространения тюрки определялась близостью его локальных диалектов, которая поддерживалась активными культурно-экономическими связями, возникшими в эпоху общей государственности, и общей религией – исламом. На основе локальных диалектов во второй половине XIX века началось формирование литературных языков отдельных наций, в том числе казахского

литературного языка – на основе чагатайского диалекта [Баскаков 1982: 156]. Развитие лексической системы казахского языка во второй половине XIX века начиналось в борьбе двух противоположных тенденций: космополитической и пуристической. Обе тенденции не способствовали развитию национальных особенностей тюркских языков. Пуристическая тенденция была связана с идеологией пантюркизма, сформулированной младотурками и поддерживаемой определенными кругами также в России. Тенденция „космополитическая” была ориентирована на интернационализацию терминологии казахского языка, опиравшейся прежде всего на русскую традицию освоения международной общественно-политической и научно-технической специальной лексики. Развитие национальных литературных языков как в дореволюционное время, так и в годы Советской власти ограничивалось как экстралингвистическими – социально-политическими и идеологическими, – так и собственно лингвистическими факторами – слабой стилистической дифференцированностью этнических стандартов, с одной стороны, и значительными отличиями живых диалектов от письменного тюрки.

С 2007 года в Казахстане реализуется на государственном уровне культурный проект „Триединство языков” – казахского, русского и английского. А с 2011 года языковая политика Казахстана строится на основе „Государственной программы развития и функционирования языков на 2011–2020 годы”, принятой Указом Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева [Программа 2011–2020]. Причиной обращения пристального внимания на „языковое строительство” стало очевидное наличие ряда проблемных аспектов в функционировании общества.

В качестве главной проблемы называется неравномерный уровень владения государственным языком, что напрямую связывается с „отсутствием единой методологии и стандартов обучения государственному языку, единых стандартов деятельности инфраструктуры обучения, системы стимулирования и мониторинга процесса овладения государственным языком, низким уровнем подготовки преподавателей и специалистов казахского языка” [Программа 2011–2020]. Меры по более широкому внедрению государственного языка в социально-коммуникативное пространство страны связаны „с расширением сфер активного применения государственного языка в области международных коммуникаций, досуга и развлечений, его развития в качестве языка закона, науки и новых технологий” [Программа 2011–2020]. Безусловно, одним из направлений повышения престижа употребления казахского языка в широких слоях общества, а также средством преодоления ряда негативных мифов и стереотипов в языковой сфере является создание эффективной терминологии во всех сферах общественной жизни: административно-хозяйственной (включая правовую), научно-технической и педагогической. Создание как универсальной, так и специальной терминологии будет способствовать повышению языковой культуры казахстанского общества,

поскольку в настоящее время дальнейшее развитие лингвистического пространства непосредственно связано с необходимостью совершенствования культуры речи и письменности, а также с созданием толерантной языковой среды.

В качестве стратегической задачи языковой политики называется необходимость „сохранения и укрепления лингвистического капитала казахстанцев”. Этот аспект языковой политики связывается в решении целого блока проблем, включающего проблему сохранения „уровня владения русским языком как конкурентного преимущества казахстанцев”, проблему создания условий для развития языков этносов, формирующих языковое многообразие культуры Казахстана, проблему изучения английского и других иностранных языков как средств делового международного общения [Программа 2011–2020].

В настоящее время в процессе создания терминологических систем в казахском языке используются языковые средства из трех источников:

- 1) из литературного языка (и диалектов),
- 2) из европейских языков (прежде всего, из английского),
- 3) из русского языка (второго государственного языка Казахстана).

Традиционно значительную роль в исследовании и сохранении традиций тюркских народов России в условиях государственной доминанции русской культуры играли русские ученые-востоковеды и литераторы: первые попытки создания литературных стандартов для тюркских народов России были предприняты еще в начале XIX века И.И. Запольским, П.С. Санковским, М.Г. Никольским [Баскаков 1982: 156–157]. В издании первых газет на казахском варианте тюрки, выходявших в виде приложений к официальным русским газетам (к „Туркестанским ведомостям” или „Акмолинским областным ведомостям”) принимали участие ориенталист В.В. Григорьев, историк и лингвист В.В. Вельяминов-Зернов, тюрколог и педагог Н.И. Ильминский, именно в газете впервые были напечатаны произведения великих казахов: Ибрая Алтынсарина и Абая Кунанбаева [Баскаков 1982: 157–158]. Таким образом, казахский литературный язык с самого начала своего формирования развивался в условиях постоянного контакта с русским языком, что было причиной появления значительного количества заимствований из русского языка в языке первых публикаций на казахском. С другой стороны, в связи с довольно широким распространением в печати пуристических идей, в язык газет внедрялись общетюркские (арабские или персидские по происхождению) термины. Поскольку основная масса общественно-политической, научно-технической и религиозной лексики арабско-персидского происхождения актуализировалась с целью противодействия внедрению заимствований из русского языка, конкуренция между эквивалентами способствовала развитию семантики терминов: происходило расширение значений лексем и их вторичная семантизация. Развитие семантики было необходимостью: архаичные

лексемы были не в состоянии выразить огромное количество понятий, возникших в начале XX века вследствие коренных изменений в общественных отношениях и развития производства. В числе прочих терминосистем экономическая терминология заимствовалась из русского языка непосредственно из газет. Кроме непосредственного заимствования, прежде всего, письменным путем с последующей трансфонацией, в казахском языке широко использовалось калькирование: русск. *железная дорога* – каз. *темір жол* (досл.: *железный путь*), и описательные переводы: *егін салу* ‘хлебопашество’ (досл.: *посеять хлеб*), ср. совр. *әскержасындағы* ‘люди призывного возраста’ (досл. *военная молодежь*).

В годы существования Советского Союза развитие терминологических систем во всех языках народов СССР проходило параллельно и определялось централизованно, поскольку как деловая, так и техническая официальная государственная документация создавалась, переводилась и утверждалась в Москве согласно общесоюзным стандартам. Тем не менее на протяжении XX века в казахском языке функционировали традиционные понятия и термины, связанные с отношениями хозяйствования и торговли. Отношения товарно-денежного обмена прочно вошли в быт казахов еще со времен Великого шелкового пути. Среди современных терминов рыночной экономики часто употребляются такие старые казахские слова, как *құн* ‘стоимость’, *мұра* ‘наследство’, *несие* ‘кредит’, *тауар* ‘товар’, *сауда* ‘торговля’, *бәсеке* ‘конкуренция’ и другие. Эти термины конкурируют с русскими как в деловой речи носителей казахского языка, так и в речи представителей других национальностей, говорящих по-казахски. Однако определенную проблему представляет их развитая семантика, а многозначность порой мешает точно определить сферу функционирования терминов, например, лексема *мұра* выступает в качестве юридического термина ‘наследство’ и абстрактного существительного ‘наследие’.

В связи с быстрым развитием экономики Казахстана, терминообразование происходит двумя путями: стихийно и организованно. Процесс стихийного терминообразования основывается на прямых заимствованиях слов или словообразовательных формантов из английского языка или интернациональной лексики: *минимаркет*, *City Center* (название торгового центра), *мажилисмен* ‘член правительства’. В западноевропейских языках большое количество терминологической лексики относится к интернационализмам, образованным на основе корней из древнегреческого или латинского языков. Использование интернационализмов является частью европейской книжной культуры. Определить путь вхождения интернационализмов в казахский язык очень сложно. Во многих случаях стихийного заимствования можно с полной уверенностью предположить, что языком-посредником послужил русский язык. Одним из таких заимствований является термин *менеджмент* (англ. *management* ‘управление’). Однако в настоящее время стихийное заимствование интернационализмов происходит напрямую, без транслитерации, т.е.

в текстах на казахском языке, написанных кириллицей, появляются вкрапления латинским шрифтом. Латинский шрифт принят в системе государственной регистрации автомобильного транспорта, латиница используется на вывесках, причем не только в названиях всемирно известных торговых марок *Gucci* или *Adidas*, но и в названии организаций и учреждений: *Институт магистратуры и докторантуры PhD*, *Coffeedelia* (сеть кафе в Алматы), *АО Банк Cassa Nova*.

Примером системного, организованного введения нового термина может служить актуализация тюркской лексемы *құн*. В казахском языке произошло расширение ее семантики при помощи создания новых коллокаций, ср.: 1) цена; стоимость – *азық-түлік тауарларының құны* ‘цена продовольственных товаров’, *базарда еттің құны қанша екен?* ‘какая цена мяса на рынке’, *құны бір тиын* ‘гроша ломаного не стоит’, *құны жоқ* ‘цены нет’; 2) эк. стоимость, воплощенная в товаре и овеществленный в ней труд товаропроизводителей – *айырбас құн* ‘меновая стоимость’, *қосымша құн* ‘прибавочная стоимость’, *тұтыну құны* ‘потребительская стоимость’; 3) *перен.* достоинство; авторитет; ценность; значимость – *достар алдында оның құны түсті* ‘его авторитет среди друзей упал’, *құны кету* ‘обесцененный; лишившийся ценности; потерявший значение’. Наряду с современными значениями лексемы функционируют исторические: ‘плата за убийство или увечье’ – *ол кезде құн үшін мал берілетін* ‘в то время за убийство расплачивались скотом’, *құн алу* ‘отомстить за кровь убитого родича’, *құн қуу* ‘искать расплаты за увечье или за убитого родственника’¹.

В бывших республиках Советского Союза, в том числе в Казахстане, русский язык является не только средством межнационального общения, но и носителем элементов самосознания и самоидентификации в условиях многонационального и многокультурного общества [Баскаков 1982; Kolstoe 1995; Chinn, Kaiser 1996]. Большинство русскоязычного населения Казахстана – это отнюдь не этнические русские. Русский является первым языком для многих казахов, а также для украинцев, корейцев, белорусов, узбеков, киргизов, уйгуров и проч. „русскоговорящих”, проживающих в Казахстане. Обслуживая различные сферы общественной жизни, русский язык преобладает в сфере массовой культуры (в том числе молодежной), в сфере торговли, доминирует в СМИ, в том числе в Интернете [см. Панарин 2008]. Особенно интересно исследование взаимодействия русского и казахского языков, а также исследование современного казахского языка в его разных социально-функциональных вариантах с точки зрения „переключения кодов” (*code-switching*). Общие правила функционирования экономической терминологии, связанной с рыночными отношениями, в казахском русском подчинены правилам русского

¹ Электронный ресурс. Режим доступа: <<http://sozdik.kz/ru/hash/d4c918b74/>>, дата доступа: 20.01.2013.

литературного языка, что не удивительно, поскольку большинство казахов прекрасно владеет русским языком [данные см. Панарин 2008].

На примере словарных толкований нескольких общеупотребительных терминов можно представить функциональное взаимодействие казахских и русских лексем. Например, заимствованная из русского языка лексема *адвокат* имеет казахское соответствие: *қорғаушы*. Как и в русском языке, второе значение лексемы *адвокат* – защитник, *қорғаушы*. Казахский эквивалент существует и для английского заимствования *бизнес* – *кәсіпкерлік, іскерлік*. При этом в казахских синонимах представлены дополнительные значения: первое из слов соответствует русскому предпринимательство, а второе определяет деловые качества предпринимателя – деловитость, толковость², т.е. несет семантику, содержащуюся в русском понятии ‘деловой человек’.

Согласно информации Википедии, „в современной РФ более распространённым является слово *рынок*”, тогда как слово *базар* распространено в южных областях бывшего СССР. Обе лексемы представляют собой давние заимствования и в течение длительного времени получили в русском языке вторичные значения и коннотации, которые позволяют рассматривать одновременное функционирование обеих лексем как своеобразный феномен русского языка.

Макс Фасмер в своем этимологическом словаре дает два значения лексемы *базар*: 1) благотворительное мероприятие, распродажа в благотворительных целях; 2) рынок, ярмарка. Согласно Фасмеру, слово *базар* в первом значении представляет собой западное заимствование, т.н. культуроним [см. Кабакчи 1998], проникший в русский язык при посредстве французского или немецкого языка (ср. франц. *bazar*; нем. *Basar*), где он прижился вследствие огромной популярности в Европе сказок *Тысяча и одна ночь*. Во втором значении источником др.-русск. *базарь* является тюрк. диал. *bazaar*, ср.: тур., алт., уйг. *pazar* ‘ярмарка, рынок’ [Фасмер 1, 105–106], по-видимому, заимствованное в результате непосредственных русско-тюркских контактов.

Лексема *рынок* также представляет собой заимствование. Вслед за укр. *ринок* и бел. *рынак* (через польск. *rynek*, чешск. *rynok* из ср.-в.-нем. *rinc* ‘круг, площадь’ [Фасмер 3, 530]) она была заимствована также русским языком, причем позже, чем синонимичная ей лексема *базар*. В *Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам* И.И. Срезневского слово *базар* определяется через слово *рынок* и соотносится с лат. *nundinae, forum nundianarium*. Цитата из перевода на церковнославянский язык библейской книги пророка Иезекииля в Геннадиевской библии 1499 г. (Иез. 46: 11) показывает, что слово *базар* обозначало ‘форум, место, где встречаются и общаются люди’: *На базарѣхъ и въ великихъ праздницѣхъ* [Срезневский 1, 39]. Это же значение сохраняется у современного казахского *базар*. Указание

² Электронный ресурс. Режим доступа: <<http://sozdik.kz/ru/hash/7275dfbde/>>, дата доступа: 20.01.2013.

автора словаря на то, что род Базаровых существует с XV века, позволяет полагать, что слово *базар* было освоено русским языком как минимум за сто лет до появления фамилии. Однако статьи *рынок* в словаре Срезневского нет, поэтому следует признать, что слово *базар* в русском языке появилось раньше, чем слово *рынок*.

В словаре В.И. Даля отмечается татарское происхождение лексемы *базар* в значении ‘торговля на открытом месте; торжище, торг, рынок’; ‘сход и съезд в базарные дни недели, для купли и продажи, особенно жизненных припасов’; ‘самое место или площадь торга’. У Даля же, по-видимому, впервые зафиксировано возникновение пейоративного метафорического значения слова *базар* ‘крик, гам, шум, содом’, отраженного в дериватах: *базарить* или *базариться* ‘громко, шумно разговаривать, кричать, шуметь, браниться’, *базарицина* ‘базарная, шумная толпа’, ‘плохая работа, непрочная вещь, годная только для дешевого сбыта на базаре’; во фразеологизмах *базарная, площадная брань, базарный торгош, торговка*; в поговорках: *Где баба, там рынок: где две, там базар; На базар – как ни навязал, на продажу – все ладно* [Даль I, 37]. Даль не отмечает диалектного характера слова, наоборот, приводит в качестве „южного” синоним *бавун*, а также распространенное „на юге” слово „ярмарок” [там же] (ср. укр. *ярмарок* ‘ярмарка’).

В первом значении слова синонимичны, поскольку слово *рынок* также, как и *базар*, обозначает ‘площадь в городах и селах, для торговли съестными и другими припасами на воле (на воздухе), место съезда и сходимки продавцов и покупателей по назначенным дням’ и может им заменяться, ср. толкование: ‘торг, торжище, базар’ [Даль IV, 118]. Сниженно-оценочное значение, свойственное также народным представлениям о рынке, вытекает из приведенных Далем иллюстраций: *На рынке ума не купишь; За ответом не в рынок идти*. Даль зафиксировал также один из первых русских экономических терминов, ср.: *рыночные цены, вольные* [там же].

Современные словари и энциклопедии, идя в ногу со временем, отразили изменения в социальной жизни и экономике, а также в языке постсоветской эпохи. Лексемы *рынок* и *базар*, именующие понятия, которые стали чрезвычайно важными в связи с переходом социалистической экономики на рыночные отношения, получили новые значения и коннотации, что способствовало их дальнейшей стилистической дифференциации.

Так, если в *Словаре русского языка* под редакцией А.П. Евгеньевой [Евгеньева 1982] у слова *рынок* отмечалось два значения, второе из которых, терминологическое: ‘сфера товарного обращения, товарооборота’, было снабжено пометой „экономическое”, то в *Большом толковом словаре русского языка* под ред. С.А. Кузнецова лексема *рынок* имеет четыре значения. В этом словаре первичное значение слова: ‘торговое учреждение по продаже сельскохозяйственной продукции и предметов индивидуально-трудовой деятельности по свободным ценам; место розничной торговли под открытым небом, в крытых торговых рядах или в специальном здании; базар’, оказалось

на последнем месте, а производные, терминологические значения (специальные пометы при этом отсутствуют) вышли на первый план. Таким образом, толкование лексемы в *Большом толковом словаре* сближается с толкованием, данным в *Большой Советской энциклопедии*, т.е. понятие рынок определяется как: 1) ‘сфера свободного товарно-денежного обращения, товарооборота, определённое экономическое пространство по производству и сбыту продукции на основе товарообмена или за деньги’; 2) ‘система общественных отношений, основанная на свободном обращении, товарообороте’; 3) ‘широкий ассортимент товаров и услуг, удовлетворяющий потребности спроса и предложения населения’. Предложенная в словаре Кузнецова последовательность значений, по-видимому, связана с актуальной частотностью их употребления в текстах СМИ: на 100 документов, представленных в „Корпусе русского языка”, в первичном значении слово *рынок* встречается только в 10 контекстах, зато в более чем 200 контекстах – в тех значениях, которые указаны в словаре первыми, причем самыми употребительными оказываются коллокации, определяющие рынок как ассортимент товаров и услуг: *рынок жилья, рынок рабочей силы, рынок литературы* и даже *рынок этикеток*. Расширение семантики лексемы *рынок* за счет терминологических значений привело к тому, что частотность ее употребления оказывается значительно выше, чем частотность употребления лексемы *базар*: поиск в „Корпусе русского языка” дает 1044 документов для слова *базар* и 4107 – для слова *рынок* (в данном случае учитывалась только форма именительного/винительного падежа единственного числа).

Большой толковый словарь русского языка, расширяя определение понятия *рынок* до энциклопедического, одновременно стилистически ограничивает употребление слова *базар*, вводя помету „разговорное” при заглавном слове, т.е. для всех трех значений, и констатирует диалектный характер лексемы: 1) на юге России, на Востоке: рынок [Кузнецов 1998]. Такое произвольное ограничение территориального распространения лексемы следует признать неоправданным, поскольку данные „Корпуса русского языка” не дают для этого никаких оснований: как в произведениях русской классической литературы, так и в современной литературе слово *базар* встречается в текстах различных авторов, независимо от их происхождения или от местных реалий, представленных в текстах произведений. В этом же словаре „легализируется” арготическое (жаргонное, согласно словарю) значение слова *базар*, связываемое с его третьим значением: „только ед. разг. о беспорядочном крике, шуме где-л. Не устраивайте б.! Кончай б.! // жарг. разговор, беседа”. В *Большом словаре* без каких-либо специальных помет появляется разг. *базарить* в значении ‘кричать, шуметь, как на базаре’, зафиксированное в МАС в двух значениях: ‘продавать что-либо на базаре’ и ‘тратить, расходовать неразумно, не по назначению, бесхозяйственно’. Между тем, данные „Корпуса русского языка” показывают, что на 100 документов, лексема

базар встречается в 1-м значении (место, где ведется торговля) в 136 контекстах, тогда как лексема *рынок* – только в 10, как уже было сказано выше. Для сравнения: в прочих значениях лексема *базар* выступает намного реже, в значении 2) ‘предпраздничная или сезонная торговля; место такой торговли’ – в 14 примерах на 196 контекстов, в значении 3) ‘беспорядочный шум, крик’ – в 15, ‘разговор’ – в 28.

Вопреки информации, данной в словаре под ред. Кузнецова и распространенному среди пользователей Интернета мнению о территориально обусловленной дистрибуции лексем *базар* и *рынок*, согласно которому слово *базар* шире распространено на Востоке, в казахском русском активно употребляются оба слова. Несмотря на то, что в центре Алматы можно обнаружить вывески на двух языках, из надписей на которых следует, что казахскому слову *базар* соответствует русское *рынок*, например: *Гул базары – Цветочный рынок* (название торговых рядов на ул. Кабанбай батыра). В печатных и цифровых информационных изданиях оба слова могут не только заменять друг друга, но и выступать в одном предложении, ср.:

*Столичный Универсальный Базар – это крытый рынок, расположенный в центре города, на пересечении улиц Валиханова и Сейфуллина*³.

*В Шымкенте сгорел крупнейший вещевого рынок*⁴.

*Ночью 3.08.2012 произошел крупный пожар в Шымкенте. Сгорел базар Бекжан*⁵.

Так же, как в речи русских, в речи казахов лексема *базар* может выступать в сниженно-оценочном значении: например, интервью **директора департамента занятости населения Министерства труда и социальной защиты Республики Казахстан Даулета Аргандыкова** ежедневной республиканской общественно-политической газете „Литер” озаглавлено так: *Актуально: Рынок не базар*⁶.

Вместе с тем, в казахском языке слово *базар* выступает также в отличном от русского значении: ‘радость, веселье’. Этот семантический компонент присутствует в русском *ярмарка: базары өтті* ‘его молодость прошла; счастливая пора его молодости осталась позади’; *оның жұргенжері базар* ‘где он, там и веселье’; *балалықтың базары* ‘радостные дни детства’; ср. также поговорку: *Базар ақшалыға базар, ақшасызға назар* – ‘базар для денежного базар, а для безденежного одно расстройство’⁷.

³ Электронный ресурс. Режим доступа: <<http://myastana.kz/firms/catalog/102/?firm=6921>>, дата доступа: 20.01.2013.

⁴ Электронный ресурс. Режим доступа: <<http://www.ktk.kz/ru/news/video/2012/08/03/18485>>, дата доступа: 20.01.2013.

⁵ Электронный ресурс. Режим доступа: <<http://kiwi.kz/watch/1h1u3otx43t8/>>, дата доступа: 20.01.2013.

⁶ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.liter.kz/index.php?option=com_content&task=view&id=9639>, дата доступа: 20.01.2013.

⁷ Электронный ресурс. Режим доступа: <<http://sozdik.kz/>>, дата доступа: 20.01.2013.

Для обозначения новых экономических терминов, связанных с рыночной экономикой, в казахском языке, как и в русском, не используется лексема *базар*. В качестве экономического термина казахский язык использует лексему арабского происхождения *нарық*. В семантическое поле этой лексемы входит понятие цены, стоимости, в переносном смысле: понятия сущности, значимости (ценности) и значения [Ысқақов 1983].

Широкое развитие частного предпринимательства на постсоветском пространстве привело к тому, что экономические термины, прежде употреблявшиеся в узкой сфере государственной экономики, стали употребляться в повседневном общении и в разговорной речи. В последнее время в казахском языке (как и в русском) появилось множество иностранных (английских) и интернациональных терминов рыночной экономики, которые не переводятся или не подлежат переводу, причем некоторые из них имеют соответствия в казахском языке. Такие конкурирующие синонимы часто встречаются в языке средств массовой информации. Поэтому вопрос создания и распространения национальной экономической терминологии – это проблема не только экономистов, но также всех специалистов в области терминологии.

Нельзя не согласиться со словами Г.М. Васильевой: „Определенная устойчивость языковой ментальности позволяет говорить о сохранении культурной идентичности, противостоящей мощному унифицирующему воздействию культуры «победившего рынка»” [Васильева 2003]. Действительно, в коммуникативном пространстве независимых государств, бывших республик Советского Союза, заметны явления, которые позволяют говорить о неоднозначности и разнонаправленности развития лексических норм стандартного языка. Следует отметить не только продолжающуюся и все шире распространяющуюся унификацию терминологии в разных областях науки и народного хозяйства, но также реконструкцию элементов традиционной языковой культуры и поиски новых источников концептуализации языковой картины мира: как внутренних, так и внешних.

Библиография

- Айтбаев, О. (1986). *Қазақ терминологиясынның қалыптасуымен дамуы*. Алматы.
- Баскаков, А.Н. (1982). *Функциональное и внутривидовое развитие узбекского, казахского, азербайджанского, киргизского и туркменского языков*. В: Ю.Д. Дешериев (ред.). *Язык в развитом социалистическом обществе. Языковые проблемы развития массовой коммуникации в СССР*. Москва, с. 149–237.
- Васильева, Г.М. (2003). «...Ты один мне поддержка и опора...» (размышления об актуальных задачах лингвокультурологии). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_332>. Дата доступа: 11.02.2013.
- Даль, В.И. (1955). *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва.
- Евгеньева, А.П. (ред.) (1981). *Словарь русского языка*. В 4-х тт. Изд. 2-е. Москва.

- Кабакчи, В.В. (1998). *Основы англоязычной межкультурной коммуникации*. Санкт-Петербург.
- Крысин, Л.П. (2000). *О некоторых изменениях в русском языке конца XX века*. Исследования по славянским языкам 5, с. 63–91. Электронный ресурс. Режим доступа: <<http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-00.htm/>>. Дата доступа: 19.12.2012.
- Кузнецов, С.А. (ред.) (1998). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург.
- Панарин, С.А. (2008). *Современный Казахстан: социальные и культурные факторы изменений в положении русского языка*. Вестник Евразии 4. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.eavest.ru/magasin/artikelen/2008-4_pan_2.htm>. Дата доступа: 11.11.2012.
- Программа 2011–2020. *О Государственной программе развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011-2020 годы. Указ Президента Республики Казахстан от 29 июня 2011 года № 110*. Электронный ресурс. Режим доступа: <til.vko.gov.kz/ru/files/programm.doc>. Дата доступа: 20.01.2013.
- Сейіткасымов, Ғ., Бейсенғалиев, Б., Бекболатұлы Ж. (2006). *Банк терминдері мен ұғымдарының қазақша-орысша сөздігі*. Алматы.
- Срезневский, И.И. (1893–1912). *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Москва.
- Фасмер, М. (1964–1973). *Этимологический словарь русского языка*. В 4-х тт. Москва.
- Ысқақов, А.Ы. (ред.) (1983). *Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі*. Т. 7. Алматы.
- Chinn, J., Kaiser, R. (1996). *Russians as the New Minority. Ethnicity and Nationalism in the Soviet Successor States*. Boulder, Co.
- Johanson, L. (1998). *The History of Turkic*. In: L. Johanson, É.Á. Csató (eds). *The Turkic Languages*. London – New York, p. 81–125.
- Kolstoe, P. (1995). *Russians in the Former Soviet Republics*. Bloomington – Indianapolis.

Summary

Economic Terminology in Contemporary Kazakh: Language Phenomena of Post-Soviet Space

Set against the background of all the economic changes in the countries of the former Soviet Union, linguistic reforms play an important role. For over a hundred years the literary language of the Kazakhs has been shaped by the influences of Russian. Nowadays, when the independent Kazakhstan is developing its economy, sciences and technologies as well as international cooperation, it is the main task of linguists to create appropriate terminology. It is to be based on three sources: the present vocabulary, historical resources of the Kazakh language, and English loanwords. Such an approach is founded on the linguistic policy of President Nursultan Nazarbaev, which is aimed at introducing a three-language model of society development.